

А. А. Брудный,
профессор направления «Психология»,
Американский университет в Центральной Азии

Психологические элементы картины мира

Статья 1

Понятие «картина мира» предполагает наличие того, кто эту картину наблюдает (или способен наблюдать). Сорок лет назад В. А. Лефевр четко сформулировал необходимость обсуждения задачи, которая «состоит в том, чтобы включить биологическую действительность в картину мира как некоторую «норму», которая в ней естественна и необходима» (4, с. 9). Конечно, это была одна из первых формулировок антропного принципа, согласно которому «то, что мы ожидаем наблюдать, ограничено условиями необходимости для нашего существования как наблюдателя» (12, с. 291). Но, соответственно, наше существование как бы «встроено» в картину мира, и эта ее специфическая особенность была доступна интуиции старых мастеров, которые находили в композиции место для своего изображения. И это относится не только к живописи. «Николай Тихонов будет стоять перед нашим взором, исторически включенный в картину, им самим созданную», – писал один из «Серапионовых братьев» (7, с. 162), хорошо знакомый с историческим контекстом, в котором возникла картина, созданная ее небезразличным наблюдателем – Н. Тихоновым. Разумеется, эти примеры находятся вне рамок строгой научной рациональности, которая, однако, принципиально не исключает из своего периметра ни «биологическую», ни «психологическую норму» наблюдателя.

Антропный принцип предполагает существование наблюдателя не только как носителя «биологической нормы», но и как выразителя психологических компонентов картины мира. Не вдаваясь в обсуждение терминологических деталей, условимся, что такие компоненты существуют и поддаются анализу и обобщению. Зачастую они подразумеваются в дискуссиях о «ноосфере» Леруа и Вернадского, «образе мира» (по А. Н. Леонтьеву), «обобщенном образе исследователя» (по А. И. Худякову) (8, с. 35), которые в значительной степени подтверждают мысль Ж. Деррида о том, что обсуждение фактов неизбежно смещается в сторону обсуждения текстов.

Соответственно, условно употребляя термин «психологические элементы картины мира», мы подразумеваем ту ее часть, в которую непосредственно включен субъект. И, если это наблюдатель, для него не все и не всегда очевидно. В немецкой классической философии существенна мысль о том, что переходы от одного к другому не отличаются очевидностью. Уловимо различие между началом и концом, но не сам переход. Между тем переход от одного к другому – это и есть динамика существования. Субъект же обращает внимание на моменты, когда существование и сущность сближаются – то есть на результаты перехода. Когда по телевидению показывают сокращенную информацию о футбольном матче – показывают только как забивают голы. Здесь в полной мере используется эта особенность смыслового восприятия: то, что мы в данном случае видим, – это результат переходов, из которых, собственно, и состоит процесс игры.

Процесс передачи действия составляет одну из специфических свойств существования, и в силу этого он проявляет себя там, где именно на существование мы обращаем главное внимание. Нарратив и игра в этом отношении особенно примечательны тем, что в их существование включен субъект. За всю жизнь Вагнер написал 60 часов музыки, эти часы – важнейшие во всей его жизни (см. в этой связи 9, с. 39–47). Футболист касается мяча считанные секунды, но эти секунды важнейшие в существовании игры.

По-видимому, вопрос о передаче действия приобретает специфические черты в системе «передатчик – приемник». Здесь действие распределено, распределено между носителем действия и носителем информации (вспомните азбуку Морзе, прерывающийся звук, писк сигнала радиопередатчика в динамике радиоприемника).

В конечном счете, передача информации – это переход от неопределенности к определенности. И неудивительно, что информация в свое время обратила на себя внимание именно инженеров связи, специалистов в той сфере, где переход был растянут. Этот переход, в сущности, и есть информация. Количество информации находится в обратно пропорциональной зависимости от вероятности событий, о которых она сообщает. Существование любого процесса может рассматриваться как процесс, состоящий из множества событий. Каждое из этих множеств может быть изоморфно некоторому множеству событий, происходящих с другим явлением. Тем самым, любое событие может послужить источником информации о других.

Передача действия, как и все феномены поведения, погружена своей первоосновой в эволюционную предысторию человека и связана с условно-рефлекторной деятельностью, с процессом научения.

В этой связи сошлемся на М. Королеву, известного знатока поведения домашних животных (речь идет о котенке): « Степа обожал висеть на шторах и лазить по ковру. Из игрушек предпочитал редиску. Выбиралась маленькая редисочка обязательно с хвостиком. Ее бросали в сторону кота, он отбивал редиску лапой, как вратарь мяч. Получалось не всегда, тогда Степа бежал за редиской и, держа хвостик зубами, приносил бросавшему. Зимой, когда редисок не было, заменой служил малюсенький резиновый мячик» (3, с. 137). Конечно, здесь присутствовал момент научения, о котором М. Королева специально не упоминает, но отметим, что здесь наблюдается предыстория игр с передачей действия, известных издревле. Особо стоит заметить, что предметом передачи служит нередко предмет вращающийся и округлый; мяч – это лишь один из возможных (древнейших и подвижных) инструментов передачи действия, шар как инструмент передачи действия – это и теннис, волейбол, футбол, наконец.

Особое внимание привлекает удвоение предмета передачи действия, благодаря которому движение обращается в динамическую смену актов передачи. Классический пример – дуэль: «На шпагах, на кинжалах, на палках, на кулаках, на копьях и табуретках, в таверне, в поле, на турнире у большой дороги, в роскошных залах и на крышах соборов!» (11, с. 206)

Особую роль тут играет инструмент действия. Когда водитель, совершая легкие движения руля, передает это действие движению машины, она словно оживает в его руках, именно как агент передачи действия. Инструмент действия субъективизируется (об этом прекрасно писал Киплинг в «A days work»). Субъективизированный инструмент – это, разумеется, и робот Чапека, и корабль в «Одиссее XXI века» Кларка, и робот,

управляющий кораблем у Лема. Иными словами, он существует как Другой для того, кто участвует в передаче действия.

Надо подчеркнуть, что предмет передачи может быть и подразумеваемым, чисто символическим (возьмем, например, поцелуй – ясно, что акт передачи действия здесь символический, предмет передачи существует только в сознании тех, кто участвует в процессе передачи).

Существенную форму передачи действия составляет его демонстрация. Передача действия через демонстрацию вошла в историю – это и опера Беллини «Немая из Портучи», и фильм С. Эйзенштейна «Броненосец Потемкин», зрелища, которые вызвали политические волнения в различных европейских странах.

Процесс передачи действия непосредственно связан с существованием интервала – пространственного и временного – и его преодолением.

Классический пример разрыва во времени в процессе передачи действия – это пушкинский «Выстрел». Ситуация дуэли. Один выстрел уже прозвучал, но второй происходит через несколько лет, и эта отсрочка накладывает на участников поединка определенные обязательства, составляющие основу сюжета.

Но это лишь частный случай. Как почти везде у Пушкина, любая деталь здесь имеет большое (а бывает и принципиальное) значение. Здесь такой деталью является простреленная одним из дуэлянтов картина. Дело в том, что многие произведения живописи фиксируют именно остановку в течении времени, разрыв.

У Джека Лондона индеец Ситка Чарли говорит художнику:

«– Ты нарисовал одну картину, которая мне понятна (...) Люди сидят за столом, играют... По-крупному. Не ограничивают ставок.

– Почему ты знаешь, что не ограничивают? – спрашивает художник.

– На столе нету денег, – объяснил Ситка Чарли, – играют на фишки. Значит, на все что в банке. У одного желтые фишки – каждая, может, по тысяче, может, по две тысячи долларов. У другого красные – может, по пятьсот, может, по тысяче. Очень крупная игра. Все ставки высокие, играют на весь банк. Почему я знаю? У твоего банкюмета краска в лице. (Я был в восторге.) Тот, кому сдают, сидит у тебя на стуле, наклонившись вперед. Отчего он наклонился? Отчего у него такое красное лицо? А глаза горят. Отчего у банкюмета краска в лице? Отчего все точно окаменели? И тот, что с желтыми фишками, и тот, что с белыми. И тот, что с красными. Отчего все молчат? Оттого что очень крупная игра. Оттого что последний кон.

– Почему ты знаешь, что последний? – спросил я.

– Банк на короле, семерка открыта, – ответил он. – На свои карты никто не ставит. Свои карты – в сторону. У всех одно на уме, все ставят на семерку. Может, банк потеряет тысяч двадцать, может, выиграет. Да, эту картину я понимаю!

– А все-таки ты не знаешь конца, – победоносно воскликнул я. – Это последний кон, но карты еще не открыты. На картине они так и не будут открыты. Так и останется неизвестным, кто выиграл и кто проиграл (...)

– Да, ты правильно говоришь: тут нет конца. Никто его не узнает. Но это верно. Я видел. Это жизнь» (5, с. 363-364).

Рассказ Джека Лондона «Тропой ложных солнц» построен на перерывах в передаче действия. Слушатель, с которым говорит рассказчик, – художник, и речь первоначально заходит о его картинах, где реальная картина изображает как бы разорванную, застыв-

шую передачу действия (речь идет о последнем коне в карточной игре). Основной же нарратив основан разорванным в пространстве процессом передачи действия: это преследование и, наконец, убийство неизвестного рассказчику (и, соответственно, читателям) человека. Специально подчеркиваю – неизвестного – в рассказе он не назван, не раскрыта и причина перестрелки. Весь нарратив – это растянутое ожидание того, что передача действия произойдет, и автор, с глубоким пониманием специфики нарративной формы, говорит об этом в цитированном начале рассказа.

Возможно, что в коллективном бессознательном существует исторически обусловленный мотив обостренного интереса к ситуациям преодоления интервала: ведь и зарождение новой жизни – зачатие – тоже есть передача действия в форме преодоления дистанции.

Проект С. Эйзенштейна «Стеклянный дом», по словам Клеймана, «как линза фокусирует все те проблемы, которые в дальнейшем привлекали внимание будущих исследователей». Эйзенштейн писал: «Каждый раз в жизни пишет свою мистерию – у меня Glass House» (10, с. 112). Мысль Эйзенштейна заключается в том, что весь мир является пространством передачи. Он предполагал показать это в инверсивной форме: дом построен из стекла. Все, что могло бы включиться в процесс передачи окружающим, в нашем архитектурно преобразованном мире разделено стенами. В мистерии Эйзенштейна стены должны стать прозрачными, и мысль его заключалась в том, что люди перестали обращать внимание на прозрачность стен. Для жизни необходим периметр. Люди перестали бы замечать, что он прозрачен. Мы создаем ограничения процессу передачи в самом сознании. Человек перестает замечать то, что не может стать «вызовом» для его существования.

Как элемент психологической картины мира Реальное говорит нам нечто большее: часть больше целого, Реальное больше реальности – потому что это часть нашего присутствия в мире.

Поэтому среди психологических элементов картины мира важное место занимают внефизические связи и замещение одного другим – метафора и метонимия. Классическое в условиях рыночной экономики замещение одного другим – это цена, которая как бы замещает собой вещь, и это метонимическое замещение. Есть замечательный кадр в кинофильме «Чудотворец» по Уэллсу, когда пиджак сам как бы повисает на вешалке (по воле чудотворца) и при этом рукав взлетает вверх и вот уже на костюме раскачивается ярлык – то ли фирменный лейбл, то ли цена – так в фантастическом мире кино оживает метонимия.

Метафорическую и метонимическую форму перехода от одних множеств событий к другим Жак Лакан дифференцирует так: симптом – это метафора, желание – это метонимия. Действительно, желание – это результат перехода Идеала-Я к реальности. И метонимия, и метафора, в сущности, проявление и следствие передачи. «Он съел три тарелки супа» – это смысловая передача от пищи к объему, в котором она содержалась, и эта передача носит метонимический характер.

Однако в значительной части случаев процесс передачи осознается как пересечение метонимического и метафорического. Знаменитый афоризм Назыма Хикмета: «Мы смотрим на чулок, а видим ногу» и есть пример пересечения метонимического с метафорическим.

Передача действия через уровень S – R (стимул – реакция) и его усложненные варианты S – O – R (по Эдварду Ч. Тоулмену) составляет необходимую предпосылку для

уровня challenge – response (вызов – ответ), причем переход от вызова к ответу допускает отсрочку, в процессе которой происходит (или может происходить) анализ и принятие решения. «Анализ предполагает расчленение сцены события. Фрагментация позволяет установить связь с другими сценами. Переборка частей позволяет реконструировать их значение (воссоздать его в контексте проводимой интерпретации)» (6, с. 31). Результатом перестановки, транспозиции, является понимание.

Операции со знаками, порождающими понимание, имеют в своей основе метафору и метонимию, то есть сближение по сходству и по смежности (во времени и в пространстве). Несомненно, знак есть сильнейший инструмент понимания, а метафора и метонимия – два основных аспекта механизма понимания. Важнейшая функция знаков – деиктическая.

Деиктическая функция заключается в указании направления движения к тому, чего здесь и сейчас нет.

Отсутствие порождает поиск того, что по природе и значению своему составляет нехватку.

Реальность там, где то, что тиражируется: рыба в икринке, текст в газете. Реальное – скрытая основа воспроизводимого (или то, что в нем главное).

Возможно, в этом основа пересечения метонимии и метафоры. Реальность состоит из похожих друг на друга множественных вещей. А Реальное – это то, что имеет значение. Звезд на небе много. Но солнце – Реальное. Только солнце имеет для меня значение, которого не имеют остальные светила. Илья Сельвинский писал: «Я думал, что счастье – это огромное солнце, личное, как золотые часы».

И метафора, и метонимия выходят за пределы того, что человек непосредственно воспринимает. Непосредственное восприятие замещается смысловым – таким способом человек присваивает мир. Таким способом он его понимает и преобразует.

Существует апокриф, согласно которому А. Блок в годы революции предложили написать краткий словарь, делающий классические литературные тексты доступными матросам Балтийского флота. А. Блок согласился, и его определения были простыми и ясными, например: «лорнет – вроде очков, но с ручкой», «платоническая любовь – без взаимности», «идея – сильная мысль». Все это совершенно верно, но последнее определение, казалось бы, грешит неполнотой. Действительно, сильная мысль. Но в чем ее сила?

Исчерпывающий ответ на этот вопрос дал Макс Вебер. Он сказал, что идея – это мысль, которая указывает направление. Но в какую сторону? В сторону того, что субъекту не хватает. В сторону решения. В сторону того, что снимает неопределенность ситуации. В сущности, все мысли направлены в сторону того, что находится или может находиться извне сознания. Поэтому в классической психологии сознание предстает как отображение объективного мира, его «отзеркаливание», если переводить *Widerspiegelung* буквально. Но современная радикальная психология с основанием считает, что такое представление о психике, в сущности, иллюзорно. На самом деле сознание не зеркало, а светильник. Оно освещает то, чего человеку не хватает. Можно даже сказать, что сознание «наполнено» тем, что *снаружи*, в той мере, в какой оно ищет то, чего человеку не хватает *внутри*. В том, что *есть* сознание, находится то, что *имеет значение*.

И не случайно Жан Жироду говорил, что единственный способ ночью не увидеть светлячка – это его осветить. Становится понятно, почему мы видим весь физический мир, но не видим сознания. Потому что это не отражение, а освещение его.

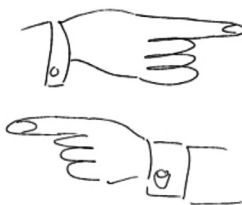
Разумеется, формы освещения различаются; совершенно прав Говард Гарднер, полагая, что «стоило бы заняться тщательным изучением различий между людьми, которые используют фокусированный *лазерный* интеллект, и теми, чей находящийся в поиске интеллект напоминает *прожектор*» (курсив Гарднера; см.: 2, с. 18).

По-видимому, мысленная передача действия в значительной степени состоит из указания направления. В целях определения уровня, на котором осознается и мотивируется передача, можно воспользоваться тестом, в котором представлены и частично систематизированы стимулы, сочетающие метонимические и метафорические аспекты механизма смыслового восприятия. Заметим, что вопрос о стрелке-указателе в прямой связи с осознанием значения этого знака едва ли не впервые поставил Л. Витгенштейн (1, с. 188).

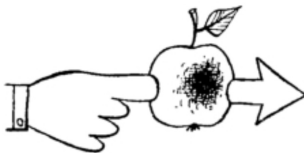
Знак, выступающий в эксперименте как стимул интерпретации, выполняет коммуникативную функцию. Вообще, среди поведенчески эффективных функций коммуникации необходимо отметить следующие:

- 1) побуждающую (или активационную);
- 2) интердиктивную (или воспрещающую);
- 3) функцию самовыражения (которую часто называют экспрессивной, хотя самовыражение прежде всего креативно);
- 4) деиктическую (или указательную).

Конstellация этих функций проявляется в выражении смысла, и вполне естественно, что она соприкасается с метафорическим и метонимическим аспектами понимания, с метафорическими способностями (в терминологии Говарда Гарднера; см. 2).

Так, в серии из 20 стимулов (исходный – «налево, направо», рисунки Э. Липинского, Польша) стимул № 4 интерпретировался так:

- 1) указывает направление к торговой точке продаже фруктов;
- 2) к стадиону, где происходят соревнования по стрельбе из лука;
- 3) к Вильгельму Теллю (вариант: в оперный театр, где ставят «Вильгельма Телля»);
- 4) к Ньютону;
- 5) к Еве;
- 6) в рай.

Варианты интерпретации стимула № 6:

- 1) к туристическому агентству;
- 2) на тропический пляж;
- 3) «Отпуск уже недалеко!»;
- 4) к Робинзону Крузо;
- 5) к инженеру Гарину;
- 6) «По маршруту капитана Кука!»;
- 7) «Сохраняйте редкие растения».

Стимул № 7:

- 1) в часовой магазин;
- 2) к часовщику;
- 3) «Не опаздывайте!»;
- 4) место важных встреч;
- 5) к Сальвадору Дали.

Эти и другие интерпретации позволяют дифференцировать уровни понимания, связанные с объектами непосредственного восприятия, желаниями, страхами, миром обыденного сознания, нарративами и т.п. Результатом эксперимента явилась разработка модели, отображающей взаимосвязь метафорического и метонимического аспектов понимания.

При изучении зрелых разновидностей «метафорических способностей возникает ключевой вопрос: существует ли взрослая форма этих умений, развитых у некоторых людей в таком совершенстве, что ими можно воспользоваться в определенной интеллектуальной сфере?» (2).

Допустимо предположение, что эксперименты с деиктическими стимуляциями могут способствовать поиску ответа на этот ключевой вопрос.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Коричневая книга, ч. 2. // Голубая и коричневая книги. Предварительные материалы к «Философским исследованиям». – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2008.
2. *Гарднер Г.* Структура разума. Теория множественного интеллекта. – М.–СПб. – Киев: Дом Вильямс, 2007.
3. *Королева М.* Кот Степан и другие // Наука и жизнь. – 2003. – № 1.
4. *Лефевр В.А.* «Конфликтующие структуры». – М.: Высшая школа, 1967.
5. *Лондон Дж.* Собрание сочинений в 14 томах. Т. 5. – М., 1961.
6. *Мазин В.* Нарушение правил. – СПб.: Скифия, 2001.
7. *Федин К.* Горький среди нас. Картины литературной жизни. – М.: Сов. писатель, 1968.
8. *Худяков А.И.* Экспериментальная психология в схемах и комментариях. М.–СПб.: Питер, 2008.
9. *Шаров К.С.* Политика вагнеризма // Вестник МГУ, серия 12. – 2007. – № 3.
10. *Эйзенштейн С.* Стекланный дом // Искусство кино. – 1979. – № 3.
11. *Янушевская И., Демин В.* Жан Марэ: человек, актер, миф, маска. – М.: Искусство, 1969.
12. *Carter V.* Large Number Coicidentes and the Authropic Principle in Cosmology//Confrontation of Cosmological Theories with Observation Data. Ed.: Longais M.S., Dordrcht, 1974.

О.А. Галимова,

*ст. преподаватель направления «Управление бизнесом»,
Американский университет в Центральной Азии*

Применение реальных опционов в процессе бюджетирования в компаниях

Единственный способ предсказать будущее –
создать его самому.
*Алан Кей,
американский математик*

В современном быстроизменяющемся мире компании повсеместно сталкиваются с тем, что для принятия решения математических расчетов необходимо использовать знания в области технологий, маркетинга, общего и стратегического менеджмента.

Разрабатывая стратегию, менеджеры проецируют самих себя и свою организацию в будущее. При этом они осознают, что в рыночных условиях невозможно разработать детальный долгосрочный план и безоговорочно следовать ему (11, с. 107). Условия, в которых функционирует бизнес, поведение и действия конкурентов, готовность компании противостоять возможным изменениям – все это диктует компании необходимость гибко реагировать на происходящие изменения. Иными словами, в прак-